

В.А. Бильбасов

**Первые политические письма
Екатерины II**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Бильбасов**
Первые политические письма Екатерины II / В.А. Бильбасов – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 118 с.

ISBN 978-5-458-07219-9

ISBN 978-5-458-07219-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

«Какъ огня» боялась Екатерина II обнародованія своихъ писемъ. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, она писала г-жѣ Жоффренъ: «Страшно боюсь писать послѣ письма напечатаннаго; боюсь, чтобы не приняли этого за желаніе мазать бумагу кровью и вкось для того только, чтобы вымолить похвалы и заставить восхищаться своими произведеніями». Этотъ же припѣвъ, въ той или другой формѣ, повторяла она во многихъ позднѣйшихъ письмахъ, почти до самой своей смерти. Современники хорошо понимали эту «боязнь», и многія письма Екатерины были обнародованы еще при ея жизни. Вслѣдъ за ея смертью начали появляться цѣлые уже томы писемъ, и всевозможныя «переписки російской императрицы» сдѣлались довольно ходкимъ товаромъ на книжномъ рынкѣ. Особенно почастливилось «перепискѣ» съ Вольтеромъ, выдержавшей нѣсколько изданій и переведенной почти на всѣ европейскіе языки. Россія не отставала въ этомъ отношеніи отъ Европы, и письма Екатерины II предлагались публикѣ, какъ любимое чтеніе, въ различныхъ изданіяхъ. Уже въ 1803 году появилась «Переписка російской императрицы Екатерины II и господина Вольтера»¹⁾; нѣсколько позже, въ 1807 году—«Переписка императрицы Екатерины II съ разными особами» и др., до смирдинскаго изданія «Сочиненій императрицы Екатерины II» включительно, гдѣ, въ

¹⁾ Перевелъ съ Французскаго Иванъ Фабіанъ. 2 тома. Москва. 1803.

третьемъ томѣ, помѣщено нѣсколько сотенъ ея писемъ къ разнымъ лицамъ.

Только въ послѣднее время письма Екатерины обратили на себя серьезное вниманіе и стали появляться въ изданіяхъ болѣе удовлетворяющихъ научнымъ цѣлямъ. Наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ, безспорно, русскому историческому обществу: его трудами изданы уже пять томовъ писемъ Екатерины, хранящихся въ государственномъ архивѣ, и начато изданіе ея «Политической переписки», наполнившей уже три тома «Сборника» только за первые четыре года царствованія. Эта «Политическая переписка» открывается указомъ графу З. Г. Чернышеву, отъ 28-го іюня 1762 года. Но Екатерина писала политическія письма будучи еще великою княгиней; ея переписка, напримѣръ, съ Уильямсомъ, англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, признается важнымъ историческимъ матеріаломъ. Эти первыя политическія письма Екатерины разбросаны въ различныхъ иностранныхъ изданіяхъ и ни разу еще не были изданы въ Россіи; до настоящаго времени они не подвергались серьезной критикѣ, и даже такія чисто ученые изданія, какъ «*Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen*», помѣщали несомнѣнно подложныя письма, которыхъ Екатерина никогда не писала и писать не могла.

Первыя политическія письма Екатерины имѣли чрезвычайно важное значеніе какъ для нее, такъ и для близкихъ ей лицъ. По поводу этихъ писемъ производилось формальное слѣдствіе, при чемъ не избѣгла допросовъ и сама великая княгиня, лица высокопоставленныя подверглись аресту, нѣкоторые изъ нихъ умерли на глазахъ слѣдователей и рѣшительно всѣ, за исключеніемъ Екатерины, поплатились ссылкой.

Въ государственномъ архивѣ хранятся «Допросные пункты и вины канцлера Бестужева-Рюмина, фельдмаршала Апраксина и барона Штамбке» (II, 385). По существу вопросныхъ пунктовъ и «винъ», это есть слѣдственное дѣло о первыхъ поли-

тическихъ письмахъ великой княгини Екатерины Алексѣевны. Дѣло это сохранилось не вполнѣ. Въ немъ нѣтъ многихъ вопросовъ и отвѣтовъ; нѣтъ первыхъ показаній ни Бестужева, ни Апраксина; вовсе нѣтъ показаній Бернарди, Елагина, Адагурова, Владиславлевой, Измайлова. Изъ слѣдственнаго дѣла, продолжавшагося полтора года, уцѣлѣло только девятнадцать бумагъ, по которымъ не трудно, однако, представить себѣ какъ ходъ слѣдствія, такъ и цѣли, имѣвшіяся при этомъ въ виду.

Эти бумаги были извѣстны въ отрывкахъ, но никогда еще не были изданы вполнѣ. Здѣсь они печатаются съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей подлинника, при чемъ слова и выраженія зачеркнутыя помѣщаются въ скобкахъ.

I.

Екатерина II писала много, легко и охотно. Далеко не всё еще ее письма, указы, резолюции и записочки изданы, а между тем число обнародованных уже превышает десять тысяч листов, ею писанных, исправленных или подписанных. Къ числу не изданных относятся и ее первые политическія письма, которыя были писаны ею еще въ качествѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны и имѣли такое рѣшительное вліяніе какъ на судьбу многихъ лицъ въ Россіи и за ее предѣлами, такъ и на политическія соображенія даже такого „просвѣщеннаго деспота“, какъ Фридрихъ II. Подлинники этихъ писемъ еще не отысканы; они сохранились или въ копіяхъ, всегда лишь болѣе или менѣе достовѣрныхъ, или въ пересказѣ, рѣдко достигающемъ точности подлинника. Не подлежитъ сомнѣнію только время ихъ написанія—первые политическія письма Екатерины относятся къ началу Семилѣтней войны.

Семья европейскихъ государствъ пополнилась въ началѣ XVIII столѣтія двумя новыми членами—Прусскимъ королевствомъ, создавшимся изъ курфюршества Бранденбургскаго, и Россійскою имперіею, выросшею изъ Московскаго царства. И Прусское королевство, и Русская имперія народились совершенно естественнымъ ростомъ, который обуславливался ихъ географическимъ положеніемъ и экономическими условіями. Современники этого роста не сознавали его естественнаго хода; будучи творцами его, они преслѣдовали только ближайшія цѣли, упуская изъ вида наиболѣе глубокія причины и не обращая вниманія на отдаленнѣйшія послѣдствія. Первый король Прусскій, называвшій перваго Русскаго императора своимъ лучшимъ другомъ (*mon meilleur ami*), съ безпокойствомъ взиралъ на усиленіе

Россіи: „j'aime les amis forts“, говорилъ Фридрихъ Вильгельмъ I, — „mais non les voisins puissants“. Едва сошли въ могилу оба эти „лучшія друзья“, какъ ихъ дѣти, Фридрихъ II и Елизавета Петровна, помѣнялись ролями, и уже русская императрица съ тревогою смотритъ на усиленіе Пруссіи: дочь Петра I признаетъ Пруссію „наисильнѣйшимъ сосѣдомъ, а потому натурально и наипаснѣйшимъ“. Это взаимное недовѣріе, весьма понятное и естественное, скоро привело оба государства къ кровавому столкновенію.

Исторія Семилѣтней войны еще не написана. Старательно собраны и тщательно разработаны только матеріалы, касающіеся участія германскаго элемента—преимущественно прусскіе, австрійскіе, саксонскіе; матеріалы французскіе и англійскіе изданы еще не вполнѣ; что же касается русскихъ, то обработка ихъ только что началась, благодаря трудамъ полковника генеральнаго штаба Масловскаго, издавшаго въ прошломъ году первый томъ своего обширнаго изслѣдованія объ участіи русской арміи въ Семилѣтнюю войну ¹⁾. Судя по первому тому, можно предположить, не опасаясь впасть въ грубую ошибку, что русскіе матеріалы представляютъ въ совершенно новомъ свѣтѣ какъ многіе факты самой войны, такъ и отношенія Россіи къ другимъ державамъ, преимущественно же къ Пруссіи. Въ такомъ новомъ свѣтѣ представляются теперь, между прочимъ, и первыя политическія письма Екатерины ²⁾, вытекавшія изъ особыхъ отношеній Елизаветы Петровны къ Фридриху II.

Трудно себѣ представить двухъ современныхъ государей болѣе противоположныхъ, чѣмъ императрица Елизавета Петровна и король Фридрихъ II.

Дочь Екатерины Скарвонскихъ, Елизавета Петровна унаслѣдовала отъ своихъ родителей чрезвычайно красивую внѣшность. Стройная, съ густою каштановою косою и темными бровями, отгнѣявшими большіе голубые глаза, съ привлекательною улыбкою, легко переходившею въ шаловливый смѣхъ, выказывавшій строй бѣлыхъ зубовъ, всегда привѣтливая съ чужими, ласковая съ близкими, живая, любезная, веселая, Елизавета Петровна производила чарующее впечатлѣніе на мужчинъ. Враждебно относившійся къ царевнѣ

¹⁾ Русская армія въ Семилѣтнюю войну. I. Походъ Апраксина въ Восточную Пруссію. Москва. 1886.

²⁾ „Новые русскіе матеріалы по исторіи Семилѣтней войны“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887, январь.

Елизаветъ Петровнѣ испанскій посланникъ герцогъ де-Лиріа называлъ ея красоту сверхестественною (*magavilla*). Во всей фигурѣ Фридриха II было что-то отталкивающее; острый носъ и впалые глаза съ ихъ пронизывающимъ взглядомъ производили хищническое впечатлѣніе; его высокомеріе, граничившее съ презрѣніемъ ко всѣмъ окружающимъ, не вселяло довѣрія къ нему, и не смотря на то, его свѣтлый умъ, легко разбиравшійся въ самыхъ запутанныхъ вопросахъ, его пронизательный взглядъ, предусматривавшій отдаленнѣйшія послѣдствія всѣхъ дѣйствій, и его настойчивый характеръ, преслѣдовавшій до конца разъ поставленную цѣль, невольно приковывали къ нему и подчиняли его сильной волѣ. Трудно пересчитать всѣ проекты брачныхъ союзовъ, составлявшіеся ради Елизаветы Петровны, всѣхъ искателей ея руки и счастливицевъ, ею избранныхъ. Еще ребенкомъ, она была уже предметомъ брачнаго проекта съ Французскимъ королемъ Людовикомъ XV, потомъ съ герцогомъ Шартрскимъ и съ Кондѣ, герцогомъ Бурбонскимъ; за женихами-французами выступаютъ претенденты нѣмцы—принцъ Карлъ Августъ, епископъ Любскій, Курляндскій герцогъ Фердинандъ, принцъ Морицъ Саксонскій, принцъ Фридрихъ Зульбахскій, маркграфъ Карлъ Бранденбургъ-Байрейтскій и даже принцъ Петръ Биронъ; просилъ руки Елизаветы Петровны и донъ Мавуэль, инфантъ Португальскій. Отъ иностранцевъ не отставали русскіе: императоръ Петръ II, влюбленный въ свою красавицу-тетку, близкій къ императору князь И. А. Долгоруковъ, не говоря уже о князѣ А. А. Меншиковѣ. Счастливіе всѣхъ этихъ претендентовъ и искателей оказались избранныки самой Елизаветы Петровны—первый „рабъ ея сердца“ гвардеецъ А. Б. Бутурлинъ, красавецъ А. Я. Шубинъ, конюхъ Адриянъ Вожжинскій, пажъ Лялинь, пѣвчій А. Г. Разумовскій, камергеръ И. И. Шуваловъ и, можетъ быть, другіе. Какъ все это не похоже на бракъ Фридриха II, противъ его воли, единственно по приказанію отца, съ несимпатичною принцессой Христиной Брауншвейгъ-Бевернской! Все образованіе Елизаветы Петровны ограничивалось разговоромъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ, при чемъ она, видя примѣры циническаго разврата и полнаго разгула, скоро пристрастилась къ „бархатному пивцу, да сладкому медку, да праздничной бражкѣ“; Фридрихъ II же, пройдя суровую школу деспота-отца, любилъ ученую бесѣду Шазэ и Фукэ, Бильфельда и Кнобельсдорфа, Иордана, Зума и др., переписывался съ Вольтеромъ и, кромѣ зейделя пива, не переносилъ никакихъ горячительныхъ напитковъ. Какъ и Фридрихъ II,

Елизавета Петровна много терпѣла отъ предержавшей власти — отъ Анны Ивановны и Анны Леопольдовны, отъ Меншикова и Долгорукова, отъ Бирона и Остермана; но какая разница: Елизавету Петровну хотѣли только заточить въ монастырь и она, избѣгая неприятности, удалилась въ свою Александровскую Слободу, гдѣ, въ мужскомъ костюмѣ, который такъ шелъ къ ней, полевала въ обществѣ любимца Шубина или водила хороводы съ сельскими дѣвками; то „безъ стыда продѣлывала вещи, которыя заставляли краснѣть даже наименѣ скромныхъ“, то „горячо молилась передъ образомъ Знаменія Пресвятыя Богородицы“. Фридрихъ II, послѣ заточенія въ Кюстринской крѣпости и въ тюрьмахъ Кепеника и Берлина, уединился въ свой Рейнсбергъ, гдѣ окружилъ себя учеными, обложился книгами, задумывался надъ „Système du gouvernement“, писалъ „Anti-Maschiavel“ и изрѣдка, подражая модѣ, изощрялся въ богохульствѣ. Когда отецъ потребовалъ, чтобъ онъ отрекся отъ правъ на престолъ въ пользу своего брата, Фридрихъ, зная взглядъ отца на супружескую вѣрность, отвѣчалъ: „Согласенъ, если отецъ объявить публично, что я не его законный сынъ“. Когда же Елизаветѣ Петровнѣ предлагали корону, ради которой Анна Ивановна поспѣшила изъ Митавы въ Москву, цесаревна не захотѣла сдѣлать и одного шага, чтобы поддержать свои права, и нужно было десять лѣтъ неслыханныхъ преслѣдованій и мелочныхъ неприятностей отъ двухъ женщинъ, мстившихъ ей за красоту, чтобъ она рѣшилась идти въ казармы и возмущать солдатъ противъ властей, которымъ сама же присягала ¹⁾).

Два раза, въ самые рѣшительные для Фридриха II моменты, и оба раза совершенно невольно, Россія благопріятствовала успѣхамъ прусской политики: въ 1740 году, когда вѣсть о смерти Анны Ивановны дала Фридриху II, по его собственному сознанию, послѣдній толчекъ къ занятію Силезіи, и въ 1761 году, когда смерть Елизаветы Петровны избавила Фридриха II отъ всѣхъ злосчастныхъ для него послѣдствій Семилѣтней войны. Въ промежутокъ этихъ двадцати лѣтъ, во все время царствованія Елизаветы Петровны, Фридрихъ II постоянно и зорко слѣдилъ за Россією, безуспѣшно стараясь склонить ее въ пользу прусскихъ интересовъ.

Въ своихъ мемуарахъ, писанныхъ въ 1746 году, Фридрихъ II совѣтовалъ своимъ преемникамъ „дружбу“ съ Россією, такъ какъ

¹⁾ Государственный архивъ, II, №№ 38 и 51.

„Россія, по своему положенію и могуществу—опаснѣйшій изъ всѣхъ сосѣдей“, при чемъ онъ высказывалъ въ то же время желаніе, чтобы „Россія никогда не вмѣшивалась въ нѣмецкія дѣла: самое лучшее—оставить медвѣдя въ его берлогѣ и не давать ему даже замѣтить, что въ немъ нуждаются или его боятся“¹⁾). Вскорѣ, однако, онъ убѣдился, что Россія можетъ вмѣшаться не только въ нѣмецкія, но даже въ прусскія дѣла: въ ночь на 4-е октября 1746 года, въ Берлинѣ былъ арестованъ „русскій шпіонъ“, бумаги котораго раскрыли „тактику русскаго двора“ относительно Пруссіи и Прусскаго короля.

Иванъ Ферберъ, изъ старой данцигской фамилии, дезертировалъ изъ датской военной службы, женился на извѣстной всему Гамбургу комедіанткѣ, былъ прусскимъ резидентомъ въ Данцигѣ и съ 1740 года проживалъ въ Берлинѣ, въ собственномъ домѣ. Вслѣдствіе доноса, онъ былъ арестованъ, въ домѣ его произведенъ обыскъ, и изъ захваченныхъ бумагъ выяснилось, что онъ велъ переписку съ „русскими дипломатами и эмиссарами“. Въ числѣ бумагъ оказались, между прочимъ, „ein scandaleuses Epigramma gegen Seine Königlichen Majestät“ и двѣ рукописи преступнаго содержанія; въ одной, писанной еще въ 1744 году — Schreiben eines Freundes an einen Russischen Biedermann—Россіи совѣтуется „занять Восточную Пруссію и тѣмъ не только обрѣзать крылья слишкомъ ужъ воспарившему сосѣду, но и усугубить свою славу, честь и уваженіе во всемъ мірѣ“; въ другой, позднѣйшей, указываются даже способы войны съ Пруссією: „утомлять и обезпокоивать прусскія войска иррегулярною русскою конницею, главное же, избѣгать генеральнаго сраженія“. 22-го октября, въ 9 часовъ утра, въ Спандау, Ферберъ былъ обезглавленъ²⁾).

Въ 1747 году была заключена англо-русская субсидная конвенція, угрожавшая Пруссіи; въ 1750 году, русскій представитель Гроссъ поспѣшно (brusquement) покинулъ Берлинъ и дипломатическія сношенія Россіи съ Пруссією были прерваны.

Для Фридриха II стало очевиднымъ, что медвѣдя въ берлогѣ не удержать, и онъ началъ изыскивать мѣры къ возможно большому

¹⁾ Poht. Corresp. Friedrichs, V, 11.

²⁾ Preussische Staatsschriften aus der Regierungszeit König Friedrichs II, 194. Этотъ эпизодъ впервые теперь обнаруженъ исключительно по прусскимъ бумагамъ; къ нему должно относиться крайне осторожно. Для насъ онъ имѣетъ значеніе потому только, что самъ Фридрихъ II придавалъ ему особенную важность, что видно какъ изъ быстроты слѣдствій и суда, оконченныхъ съ 4-го по 22-е октября, такъ и изъ строгости приговора.

ослабленію, если не къ полному устраненію надвигавшагося съ востока удара. Въ числѣ такихъ мѣръ, на первомъ планѣ, стоялъ союзъ съ Англіею.

Дорого заплатилъ Фридрихъ II за Вестминстерскій договоръ 5-го января 1756 года. Это былъ капитальный промахъ¹⁾, подобнаго кото-

¹⁾ Нѣмецкіе историки, долгое время видѣвшіе въ Вестминстерскомъ договорѣ „мастерской маневръ“ Фридриха II, начинаютъ уже сознавать, что это „великое намѣреніе“ (das grosse Dessen) было довольно грубою ошибкою; но все еще стараются такъ или иначе свалить съ больной головы на здоровую, лишь бы оправдать „великаго короля“. Такъ, Bernhardt, въ своемъ сочиненіи „Friedrich II und der Beginn des siebenjährigen Krieges“, говоритъ: „Einer der vornehmlichsten Gesichtspunkte Friedrichs bei dem Vertrage mit England bestand gerade darin, sich durch denselben gegen das mit dieser Macht befreundete Russland zu sichern. Man wird selbst bei Friedrichs Scharfblick diesen Irrthum wohl begreifen können, indem es ohne Zweifel zu den schwierigsten Aufgaben eines Staatsmannes gehört, eine Politik richtig zu schätzen, deren Mittelpunkt die Laune und Reizbarkeit eines Weibes bilden, und deren Organe sich vor allem von der Rücksicht auf die Höhe der zu ihrer Bestechung verwendeten Geldsumme leiten lassen“ (Hist. Zeitschr., XII, 50). О „напризахѣ“ Елизаветы Петровны въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи—можно только, зная ея характеръ, удивляться, напротивъ, выдержкѣ; что же касается подкуповъ, то они въ то время лишь облегчали дипломатическіе ходы—самъ же Фридрихъ II находилъ, что для успѣха нужно только „faire entrer un âne chargé d'or à Petersbourg“ (Polit. Corr., I, 91). Иначе смотреть на этотъ договоръ *Max Duncker*, „Der siebenjährige Krieg“: „Der Entschluss des Königs war richtig, insoweit es darauf ankam, den Weg zu betreten, der möglicherweise den Frieden in Deutschland erhalten konnte, insoweit es die vornehmste Aufgabe war, wenigstens einen der Gegner (England) zu entwaffnen. Falsch hatte der König gerechnet, soweit er glaubte durch die Verbindung mit England auch Russland und Oesterreich, mindestens aber Russland, entwaffnen zu können. Er überschätzte die finanziellen Verlegenheiten Russlands und noch mehr die Oesterreichs; er überschätzte den Einfluss Englands in Wien und noch mehr dessen Einfluss in Petersburg. Er wusste nicht, wie eng, wie solidarisch Oesterreich und Russland verbunden waren, noch weniger, in welchem Masse Kaunitz den Hof von Paris gewonnen hatte“ (Hist. Zeitschr., XIX, 157). Удивительная логика: если Вестминстерскій договоромъ „обезоруживался одинъ противникъ, Англія“, то имъ же вооружался новый — Франція. Въдъ договоръ былъ подписанъ въ январь 1756 г., а еще въ 1754 г. французскіе колонисты Канады и Луизианы своими фортами по обсану, Орго и Миссисипи возбуждали англійскихъ колонистовъ, и 28-го мая майоръ Георгъ Вашингтонъ одержалъ первую побѣду; послѣ столкновенія въ водахъ Ньюфундленда, 8-го іюня 1755 г., англійскаго и французскаго флотовъ не могло быть уже сомнѣнія, что союзники Англіи будутъ признаны Франціей за своихъ враговъ, и на оборотъ. Если, наконецъ, ошибочный взглядъ на русскій дворъ и можетъ быть объясненъ отсутствіемъ прусскаго представителя (Preussen hatte zu jener Zeit keinen Gesandten an dem Petersburger